

Точно так же, как армия Мин атаковала, корейский солдат с пороховым мешком бросился в кучу людей.

Это самоубийственное нападение происходило волной за волной, и звук взрывов был непрекращающимся, что привело к значительным потерям для армии Мин.

На широком переходе в середине окопов, Туба, руководитель департамента Улат, сидел на лошади, испугавшись, оглядываясь вокруг, все его тело взорвалось.

Как генерал, согласно военной дисциплине Мин, он не мог выдвигаться вперед, но в этот момент все монгольские воины, стоявшие перед ним, были взорваны.

Внезапный взрыв вызвал испуг заряжающих солдат Минг, и их моральный дух резко упал.

"Бум!"

Рядом с ним раздался громкий стук, и корейский солдат внезапно выпрыгнул из окопа рядом с ним и был со временем убит охранниками Тубы.

Однако его пороховая упаковка взорвалась, и на таком коротком расстоянии Туба был поражен и брошен вниз ударом лошади, которая упала со шлейфа.

Пороховая стая армии Цин была очень злобной, в ней было много гвоздей и железной стружки, и она была чрезвычайно мощной.

Туоба лежал на земле, его тело дрожало, живот был плотно покрыт, лоб был покрыт бусинами пота.

Его тело было тяжело ранено в нескольких местах, брюшная полость была разрезана вместе с броней, левая нога была вскрыта, чтобы раскрыть белые кости леса, и кровь непрерывно текла, окрашивая землю под ним в красный цвет.

Глядя на военных лошадей рядом с ним, они уже были ушиблены и избиты, также лежали с низким скулящим звуком.

Половина собственных солдат Тубы погибли в результате бомбардировки, остальные были не лучше, ранены и покалечены.

В луже крови Туба, который приближался к возрасту ногтей, испытывал боль в глазах, физическую боль и еще большую боль в сердце.

Последняя битва жизни, ни стыда, ни больших достижений, чтобы сохранить звание для будущих поколений.

Хорошей новостью было то, что его считали погибшим в бою.

Монгольские солдаты сзади видят, как их вождя взрывают и бросаются на помощь, отступая назад.

Серия громких звуков на поле боя предупреждала армии с обеих сторон, как будто все поле боя смотрело в ту сторону.

В городе Пхеньян, наблюдая, как бушующая армия Мин подавляется до такой степени, что они не могут поднять голову, А Шань, мастер знамени Чжэн Хуан, громко и дико смеялся:

"Хорошо бомбил!"

Некоторые из генералов Восьми Знамений смеялись, чувствуя себя безудержно счастливыми.

Только Цзиль Харанг держал руки за спиной, спокойно глядя на поле боя перед собой, которое было похоже на мясорубку, и никто не мог сказать по его лицу, о чем он думал в это время.

Напротив средней армии армии Мин, каждый генерал выглядел не слишком хорошо, и поведение армии Цин было удивительным.

Ли Шаою ненавидел его голос: "Эти собаки Тартары, как они смеют играть!"

Чжоу Синъяо и другие генералы и эхом сказали: "За все эти годы армия моего Да Мина никогда не была такой убогой, ненавистные татары только и делали, что позволяли корейцам умирать, как пушечное мясо!"

"Считается, что два татарина корейского флага играли бесполезно..."

Восемь знамен армейской техники, хотя большая часть замены огнестрельного оружия, тактика научилась многому научиться, но все равно не может изменить старую привычку позволять пушечному мясу открывать дорогу.

Чжу Ю Нэн войны на стороне, "хм", слова: "Цин армии так поглотили нас слишком много сыновей и дочерей жизни, мораль фронтовых генералов также пострадал от серьезного удара, должны послать подкрепление".

Монгольские солдаты были также армией Да Мин, и хотя раньше они были врагами, теперь они включены в территорию Да Мин.

Теперь они также говорили на официальном языке Великого Минга, носили мундир Великого Минга, носили знамя Великого Минга и полностью входили в состав династии Мин, точно так же, как Великий Минг в начале династии Мин сформировал монгольскую кавалерию в три тысячи батальонов.

С отступлением общего флага Туоба оно вышло из-под контроля, моральный дух озлобленных монгольских солдат был сильно ослаблен бомбардировками, а наступление линии фронта было сильно ослаблено и начало отступать непрерывно.

Мао Юань отсканировал поле боя на смотровой площадке и нашел эту сцену, он сразу же приказал войскам Чжу Юньена встать, и приказал Ли Шаою возглавить войска, чтобы противостоять им.

К счастью, оба генерала были готовы приложить достойные усилия и вовремя вступили на поле боя, в противном случае они бы потеряли возможность вернуть назад первые две линии обороны Восьмизнаменной армии.

Под звук пушек и барабанов армия Мин снова атаковала, и звук убийства на оборонительной линии армии Цин на некоторое время сотрясал небо.

В городе Пхеньян А Шан больше не мог смеяться, и бровь Джир Харана была борозжена.

Нападение армии Мин было совершенно неожиданным, их воля к борьбе была слишком сильна, шедшая монгольских солдат на фронте, чтобы быть сорванной, мужчины и лошади в тылу еще постепенно наверх.

Ситуация становилась все более неблагоприятной для армии Цин.

Джилхаран напрягся.

Армия Мин не должна быть допущена к оборонительной линии, если они теряют линию, армия Мин может полностью полагаться на их острое огнестрельное оружие, чтобы сделать большой разрыв в городе Пхеньян в раунде.

Эта битва посвящена судьбе династии Цин, если мы победим, то власть династии Мин в Ляодуне будет сильно поражена, и нам придется развернуть войска из Гуаннея в гарнизон Ляодуна.

Если мы проиграем, Великий Цин упадет! Они могут даже потерять свою семью!

Нурхачи, Шульхаки, Чу Инь, Хуан Тайцзи, Амин, Мангултай, Дайшан, Доргон, Азиг, Абатай, Додо, Хауг, Юэ Туо, Дуду.....

Сердце Джиргаланга постоянно всплывало на поверхность у этих дядей, братьев, сыновей и племянников, которые положили начало основанию династии Цин.

Теперь, когда все они ушли, а он остался один, Джилхаран никогда бы не позволил Цингу упасть в его руки!

"Передайте приказ вниз, Восемь Баннеров Дивизион Сити в полной готовности!"

Цзиль Харанг спустился с башни и вытащил свою лошадь из города, он лично возглавит Восьмизнаменную армию Мин!

Восьмизнаменная дивизия, армия, состоящая из всех ветеранов Восьмизнаменей, которые собрал Цзиль Харанг, была последней надеждой Великого государства Цин.

Под городом Пхеньян, с мечами и копьями, прилив людей был похож на воду, и 10 000 человек и лошадей Восьмизнаменной дивизии были выстроены под городом.

Они стояли торжественно, все в ярких шлемах и доспехах, с кусками доспехов из тонкого железа, чрезвычайно толстыми и блестящими.

Восьмизнаменная дивизия была аккуратной и тихой, над ней возвышались многочисленные плотные шлемы и доспехи, распространявшие свою железнороющую ауру.

Это самые элитные ветераны каждого знамени, у каждого тела густая кровь и убийственный воздох, глаза жестокие и тиранические, полные доверия на поле боя.

Жир Харанг подтолкнул свою лошадь к подножию города, одетую в тяжелую броню и торжественный вид.

Эта броня тогда носила Хуан Тайцзи, а также была передана им Цзиль Харану, и она имела большое значение.

"Воины восьми знамен"! Обратного пути для нас нет!"

Джирхаран громко закричал: "Как только армия Мин возьмёт Пхеньян, мы погибнем!"

Среди звуков стрельбы, настроение скорби и гнева постепенно пронизывало весь Восьмизнаменный дивизион.

Цзиль Харанг поднял руки и зарычал: "Ради династии Цин я присоединюсь к вам, пролью кровь из песка и убью армию Мин!".

"Ради Великого Кинга, истребите армию Мин!"

В крике, флаги в Восьмизнаменной дивизии сильно покачались, все поднятые, как океан.

Потом раздался еще более грозный рев, и крики потрясли небеса.

"Убить!"

Рев отзвучал так, как будто небеса трещали, а горы кричали, маскируя все звуки на поле боя, и дивизия Восьмизнамений была на вершине!

"За Великого Кинга! Убей!"

Цзиль Харанг в гнев поднял свой меч и на одной лошади бросился к войскам Мин на оборонительной линии армии Цин.

Сразу же тысяча лошадей вырвались и убили армию Мин вдоль широкого прохода в середине окопов на оборонительной линии.

.....

<http://tl.rulate.ru/book/41393/1090512>